

Примечания переводчика

1. Отзыв (англ).
2. Небольшой город в США (англ).
3. Законодательный орган (лат).
4. Лучших (лат).
5. Синдик – глава городского или общинного самоуправления.
6. С сопутствующими изменениями.
7. Марка – сельская община в Германии.
8. Тетрадь жалоб (франц.).
9. Генеральные штаты (франц.).
10. Расхождение сторон (лат).
11. Последний довод (лат).
12. Объединение торговцев и ремесленников внутри города в средневековой Италии (итал.).
13. Король и королевство (лат).

Перевод с нем. А.Б. Рахманова

ЭРВИНГ ГОФФМАН

ЗАБЫТАЯ СИТУАЦИЯ

В этой статье 1964 г., написанной в контексте обсуждения этнографии речи, сформулированы основания подхода Гоффмана к социологическому анализу разговорных взаимодействий. Основная идея статьи состоит в том, что целый ряд свойств повседневных разговоров не может быть адекватно изучен вне контекста социальных ситуаций, в которых они протекают. Эксплицируется социологически значимый аспект повседневной речи. Приводится базовый понятийный аппарат для изучения взаимодействия лицом-к-лицу, в контекст которого Гоффман считает необходимым поместить анализ разговора.

This paper, written in 1964 in the context of discussions around the ethnography of speaking, contains a formulation of Goffman's basic approach to the sociological analysis of conversational interactions or encounters. The main idea is that a whole range of properties of everyday talk cannot be studied adequately without reference to the social situation within which it occurs. A sociologically relevant aspect of everyday speaking is explicated. The frame of reference for a study of face-to-face interaction is introduced in terms of which Goffman suggests to analyze everyday conversation or talk.

Ключевые слова: *речевое поведение, разговорное взаимодействие, ситуация, столкновение, сборище, социальное событие, состояние разговора, очередь в разговоре.*

Keywords: *speech behavior, conversational interaction, situation, encounter, gathering, social occasion, state of talk, turns at talking.*

Рахманов Азат Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва). E-mail: azrakhmanov@mail.ru.

* Перевод выполнен по источнику: *Goffman E. The Neglected Situation // American Anthropologist. New Series. 1964. Vol. 66. № 6. P. 133-136.*

I

Вряд ли возможно назвать такую социальную переменную, которая бы не обнаруживалась каким-то образом в речевом поведении и не оказывала на него свое маленькое систематическое воздействие: возраст, пол, класс, каста, страна происхождения, поколение, регион, уровень образования, культурные когнитивные допущения, двуязычие и т.д. Каждый год сообщают о новых социальных детерминантах речевого поведения. (Стоит добавить, что каждый год с речью увязываются и новые психологические переменные.)

Наряду с этим корреляционным порывом к выискиванию все новых социальных атрибутов, детерминирующих речевое поведение, был еще и другой, не менее сильный, порыв к расширению перечня свойств, находимых в самом речевом поведении. Добавляемые в него свойства были по-разному связаны с уже вошедшим в анналы фонетическим, фонемным, морфемным и синтаксическим структурированием языка. Так, были выделены новые семантические, экспрессивные, паралингвистические и кинесические черты поведения, содержащего речь, и это снабдило нас целой обоймой новеньких индикаторов, с которыми можно было сделать что-то корреляционное.

Я не сомневаюсь в том, что эти два потока анализа, корреляционный и индикаторный, смогут навсегда запустить (и, вероятно, запустят) образцовый случай научного сосуществования. Можно, однако, указать и на возможный источник затруднений. В некоторых точках эти два способа анализа, видимо, до неприятности близко друг с другом стыкуются, заставляя нас исследовать разделяющую их территорию; и это, в свою очередь, может породить в нас ощущение, что мы упустили что-то важное.

Возьмем сначала второй из упомянутых потоков анализа — открытие в речевом поведении новых свойств, или индикаторов. Тем аспектом дискурса, который может быть ясно перенесен бумагу с помощью записи, занимаются уже давно; в настоящее время все больше обращаются к «грязным» элементам речи. Болтающий язык (на некотором уровне анализа) оказывается лишь одной из частей сложного человеческого акта, смысл которого необходимо искать также в движениях бровей и рук. Но как только мы хотим рассмотреть эти жестовые, не поддающиеся записи, поведения, связанные с говорением, нас подстерегают две серьезных трудности. Во-первых, хотя субстрат жеста проистекает из тела жестопроизводителя, форма его может тончайшим образом определяться микроэкологической орбитой, в которой оказывается говорящий. Тогда, чтобы описать жест или хотя бы раскрыть его смысл, нам, возможно, понадобится принять во внимание человеческую и материальную обстановку, в которой жест производится. Например, должен быть некий смысл в том, что громкость высказывания можно правильно оценить лишь при условии, что мы знаем, как далеко говорящий находится от своего реципиента. Индивид жестикулирует ближайшей средой, а не только своим телом, и поэтому мы должны каким-то систематическим образом учесть эту среду. Во-вторых, жесты, используемые индивидом в качестве компонента его говорения, во многом схожи с теми, которыми он пользуется, когда хочет со всей ясностью показать, что в данный момент определенно не собирается втягиваться в беседу. Следовательно, на каких-то уровнях анализа изучение поведения во время говорения и изучение поведения людей, находящихся в присутствии друг друга, но не втянутых в разговор, становятся аналитически неразделимыми. Изучение одного непреодолимо вовлекает нас в изучение другого.

Такие люди, как Рей Бердуистелл и Эдвард Холл, выстроили мост от говорения к социальному поведению, и как только вы переходите этот мост, вы становитесь слишком занятыми, чтобы вернуться обратно.

Перейдем теперь от изучения открываемых в речи новых свойств, или индикаторов, к упомянутому ранее изучению новооткрываемых социальных коррелятов речи. Здесь мы находим еще большее затруднение. Ибо ширится работа над особенно взрывоопасным типом социального коррелята речи, который называют «ситуационным». С кем беседует говорящий: с человеком своего или противоположного пола, подчиненным или начальником, одним слушателем или несколькими, кем-то стоящим рядом или находящимся на другом конце телефонного провода? Читает ли он заготовленный текст или говорит спонтанно? Является ли повод для разговора (occasion) формальным или неформальным, рутинным или выбивающимся из рутины? Заметим, что рассматриваются здесь не атрибуты социальной структуры, такие, как пол и возраст, а значение, придаваемое этим атрибутам, опознаваемым в текущей и наличной ситуации.

Таким образом, перед нами стоит следующая проблема: исследователь, интересующийся свойствами речи, может столкнуться с тем, что вынужден смотреть на физическую обстановку, в которой говорящий исполняет свои жесты, просто потому что нельзя полностью описать жест, не соотнеся его с внетелесной средой, в которой он происходит. Другой, проявляя интерес к языковым коррелятам социальной структуры, может обнаружить, что должен принимать во внимание социальное событие (social occasion), когда человек с данными социальными атрибутами предстает перед другими. Исследователи обоих типов должны, стало быть, смотреть на то, что мы невнятно называем социальной ситуацией. И именно ее-то до сих пор и упускали из виду.

В настоящее время с идеей социальной ситуации обращаются самым беспечным образом. Например, при работе с языком уважения социальные ситуации становятся событиями, в которых друг перед другом предстают лица, находящиеся в релевантных статусных отношениях, и типология социальных ситуаций выводится прямо и просто из скрещения параметров: «вышестоящий–нижестоящий», «нижестоящий–вышестоящий» и «равные». То же можно сказать и о других атрибутах социальной структуры. При этом предполагается, что социальные ситуации не имеют собственных свойств и собственной структуры, а попросту маркируют, так сказать, геометрическое пересечение акторов, производящих разговор, и акторов, носящих особые социальные атрибуты.

Я не думаю, что этот оппортунистический подход к социальным ситуациям всегда обоснован. Социальная ситуация – это вам не деревенская кузина. Можно утверждать, что социальные ситуации, по крайней мере в нашем обществе, конституируют реальность *sui generis*, как говаривал Он; и, следовательно, они требуют и заслуживают анализа по собственному праву во многом так же, как требуют его другие базовые формы социальной организации. И можно к этому добавить, что эта сфера активности особенно значима для тех, кто интересуется этнографией речи. Ибо где еще, как не в социальных ситуациях, эта речь развертывается?

II

Давайте же прямо взглянем на то, о чем мы здесь походя говорили: на социальные ситуации. Я бы определил социальную ситуацию как среду возможностей вза-

имного мониторинга, в которой индивид всюду находит себя доступным обнаженным чувствам всех других «присутствующих», а других — таким же образом доступными ему. Согласно этому определению, социальная ситуация возникает всякий раз, когда двое или более индивидов оказываются в непосредственном присутствии друг друга, и длится до тех пор, пока не уйдет предпоследний участник. Людей, находящихся в данной ситуации, можно собирательно обозначить как *сборище* (gathering), какими бы разобщенными, молчаливыми и далекими, присутствующими всего лишь кратковременно участники этого сборища ни казались. Культурные правила устанавливают, как индивидам ввиду пребывания в сборище надо себя вести, и эти правила со-общения, когда их придерживаются, социально организуют поведение тех, кто находится в ситуации (см. прим. 1).

Хотя участие в сборище всегда влечет за собой некоторое стеснение и организацию, имеются особые социальные аранжировки всех или некоторых присутствующих, которые влекут за собой дополнительное и еще большее структурирование поведения. Ибо двое или более лиц в социальной ситуации имеют возможность совместно ратифицировать друг друга как полномочных соподдержателей единого, пусть даже и подвижного, фокуса визуального и когнитивного внимания. Эти втягивания в совместную (joint) ориентацию можно назвать *столкновениями* (encounters), или *лицевыми вовлечениями*. В них возникает предпочтительная взаимная открытость ко всякого рода коммуникации. Кроме того, обычно предполагается физическое сближение — экологическое скопление, в котором участники ориентируются друг на друга и отворачиваются от тех, кто присутствует в ситуации, но официально не участвует в столкновении. Есть ясные правила инициации и прекращения столкновений, входа и удаления отдельных участников, требования, которые столкновение может предъявлять к тем, кто его поддерживает, и приличия в плане пространства и звука, которые должны соблюдаться по отношению к исключенным участникам ситуации. Конечно, иногда социальное сборище может не заключать в себе столкновения, а содержать только невовлеченных участников, связанных несфокусированным взаимодействием; оно может содержать в себе одно столкновение, которое само, в свою очередь, содержит всех участвующих в ситуации лиц (лучшая аранжировка для сексуального взаимодействия); оно может содержать доступное столкновение, т.е. такое, которое должно протекать в присутствии не вовлеченных в него участников или других столкновений.

Карточные игры, пары в танцевальном зале, хирургические бригады в операционных и кулачные бои дают нам примеры столкновений; все они иллюстрируют социальную организацию разделяемых текущих ориентаций, и все заключают в себе организованное взаимодействие (interplay) актов того или иного рода. Я хочу сказать, что когда бы ни имела место речь, она имеет место внутри этого вида социальной аранжировки; и тем, что внутри нее организуется, являются, разумеется, не ходы, не па, не процедуры, не удары, а очереди в разговоре. Заметим далее, что естественное обиталище речи — это место, в котором речь присутствует не всегда.

Я имею в виду, что акт говорения всегда должен соотноситься с состоянием разговора, которое поддерживается через конкретную очередь в разговоре, и что это состояние разговора предполагает круг других, ратифицированных в качестве соучастников. (Такой феномен, как разговор с самим собой, или ведение разговора с нератифицированными реципиентами, как в случае заговорщической коммуника-

ции или телефонного разговора, нужно сначала рассматривать как отклонение от нормы, иначе мы упустим из виду их структуру и значимость.) Разговор социально организуется не просто в терминах того, кто с кем говорит и на каком языке, а как маленькая система взаимно ратифицированного и ритуально управляемого действия лицом-к-лицу, т.е. социального столкновения. Как только ратифицируется состояние разговора, должны быть в распоряжении сигналы для запрашивания слова и для отказа от него, для информирования говорящего об устойчивости фокуса внимания, которое он получает. Должно сохраняться тесное сотрудничество, которое гарантировало бы, что одна очередь в разговоре не будет слишком накладываться на предыдущую и что не будет недостатка в непринужденных поставках разговора; ведь в каждый момент должна разворачиваться чья-то и исключительно чья-то очередь. Если в социальной ситуации присутствуют лица, не ратифицированные в качестве участников столкновения, то уровень громкости и физическое размещение в пространстве должны быть выстроены участниками так, чтобы явить уважение к этим находящимся в доступности другим, не выказав по отношению к ним недоверия.

Высказывания, разумеется, подчинены языковым ограничениям (как и значения), но в каждый момент они должны выполнять еще и другую работу, и именно эта работа делает участников разговора непрерывно занятыми. Высказывания должны преподноситься в оправе функциональных жестов, которые поддерживают состояния разговора, контролируют их и удерживают эти маленькие системы деятельности на плаву. В этой жестовой работе используются и звуки, ведь звуки в разговорных столкновениях удобны; но вместе с тем систематически используется и все прочее, что подвернется под руку. Итак, многие свойства разговора необходимо видеть как альтернативы, или функциональные эквиваленты, экстралингвистических актов – например, когда участник сигнализирует о предстоящем выходе из разговорного столкновения изменением своей позы, перенаправлением своего доступного восприятию внимания или изменением интонационного контура последнего высказывания.

Следовательно, на одном из уровней анализа изучение поддающихся записи предложений и изучение речи – разные вещи. На каком-то уровне анализа изучение очередей в разговоре и того, что в течение чьей-то очереди говорится, оказывается частью изучения взаимодействия лицом-к-лицу. Во взаимодействии лицом-к-лицу есть свои регуляции; в нем есть свои процессы и своя структура; и сколь бы часто они ни выражались через такое средство, как язык, они не кажутся по природе своей языковыми.

Примечания

1. Я попытался детально представить этот аргумент в книге: Behavior in public places. N.Y., 1963.

Пер. с англ. В.Г. Николаева